

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора исторических наук, доцента Филина Никиты Александровича на диссертацию Чикризовой Ольги Сергеевны «Суннитско-шиитские отношения на Ближнем Востоке: международно-политический аспект (1979–2024 гг.)», представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Диссертация О.С. Чикризовой, представленная на соискание степени доктора исторических наук, посвящена разработке актуальной научной проблемы, связанной с ролью «исламского фактора» в ближневосточной подсистеме международных отношений и места суннитско-шиитского антагонизма в нем, и выполнена в русле современных исследований по историческим наукам, поскольку основана как на качественных, так и на количественных методах. Актуальность избранной темы определяется потребностью теории и практики в углубленном осмыслении идентичностного измерения ближневосточных региональных процессов, особенно с акцентом на идентичности негосударственных акторов, влияние которых на Ближнем Востоке неуклонно возрастает в последние несколько десятилетий. Кроме того, в условиях целенаправленной борьбы против политического строя Исламской Республики Иран, которую развернули США и Израиль в последнее время, представляется чрезвычайно важным тщательно проанализировать предпосылки и этапы развития антииранской риторики в регионе, выявив значимость политизации суннитско-шиитских противоречий как арабскими странами, так и глобальными игроками, особенно Вашингтоном.

Хронологические рамки исследования охватывают 1979–2024 гг. особое внимание уделено периоду с 2003 г., когда в Ирак были введены войска антисаддамовской коалиции, и событиям после «арабской весны», что связано

с ростом региональной конфликтности в связи с чередой новых конфликтов (Сирия, Ливия) и обострении «старых» проблем (Ирак, Йемен). В первых двух главах работы автор затрагивает события, выходящие за заявленные хронологические рамки, однако это оправданно и обусловлено как самой постановкой проблемы, которая требует выявления предпосылок суннито-шиитского антагонизма, так и необходимостью проведения более глубокого и качественного анализа объекта и предмета исследования.

Источниковая база исследования очень обширна, в ней представлены нормативно-законодательные, делопроизводственные, публицистические и статистические источники на арабском, английском, французском и русском языках. Все источники надежны по своему происхождению, и в этой связи достоверность выводов, полученных автором в ходе исследования, не вызывает сомнений.

Диссертация написана хорошим научным языком, стилистически выверена, опирается на большое количество сносок (1358), что свидетельствует о глубоком погружении автора в тему исследования.

Научные положения и выводы, сформулированные в диссертации, в целом обоснованы, логически вытекают из проведенного анализа и подтверждаются привлеченным эмпирическим материалом. Новизна исследования заключается в разработке авторского определения термина «исламский фактор», обосновании теоретико-методологического подхода к исследованию суннито-шиитских отношений как формы проявления «исламского фактора» в ближневосточной подсистеме, а также введении в научный оборот методики количественного анализа проявлений «исламского фактора» и доли суннито-шиитских противоречий в «индексе исламского фактора».

Обращает на себя внимание аккуратность и последовательность в проведении автором сравнительного анализа региональных конфликтов в Сирии, Ираке и Йемене и моделей развития Саудовской Аравии, Турции, Ирана и джихадистских группировок: в обоих случаях четко выделены критерии и уровни анализа, каждый случай рассмотрен по одной схеме, а в конце автор резюмирует результаты сравнения в форме сводных таблиц. Это свидетельствует о научной педантичности диссертанта, внимании к методологии и методике проведения научного исследования.

Чрезвычайно важным достоинством представленного исследования является не только обсуждение факторов и причин суннитско-шиитского конфликта, но и попытка выяснить причины межконфессионального насилия в ходе военных действий на Ближнем Востоке. По ее мнению, главными причинами насилия над гражданскими лицами в ближневосточных войнах являются все-таки экономические и политические факторы (бедность, неравенство, подогревание ситуации извне и др.). Религиозно мотивированное насилие начиналось уже после эскалации ситуации. Однако такого рода насилие могло быть очень жестоким, особенно если осуществлялось террористами-джихадистами, и от их рук могли страдать не только конфессиональные меньшинства, но даже умеренные сунниты, как в случае Сирии.

Что касается структуры диссертации, то она выстроена логично, четко и не вызывает нареканий, позволяет тщательно изучить объект и предмет исследования и решить поставленные задачи.

Во введении определены актуальность, объект, предмет исследования, его хронологические и географические рамки, сформулированы цель и задачи исследования, дана характеристика степени научной разработанности темы и

источниковой базы, а также развернуто приведены методология и методы исследования.

Первая глава посвящена объекту исследования – ближневосточной подсистеме международных отношений, а также теоретико-методологическим аспектам исследования и «исламскому фактору» как уникальной черте этой подсистемы. Автор справедливо отмечает, что для Ближнего Востока характерна «многоаспектная неоднородность», которая проявляется в разнообразии действующих в подсистеме элементов, наличии государств с разными типами политических режимов, уровнем ВВП и доли расходов на оборону и проч. Это объясняет отсутствие на Ближнем Востоке государства-гегемона, что, в свою очередь, обуславливает фактически непрекращающуюся борьбу за региональное лидерство. Наличие в недрах ряда ближневосточных стран богатых углеводородных месторождений определило повышенный интерес к этому региону великих держав, таких как Великобритания и Франция в XIX – начале XX в. и США – со второй половины XX в., а также Китая (с начала XXI в.). Соперничество великих держав традиционно осложняет обстановку внутри подсистемы и естественным образом затрагивает этноконфессиональные аспекты развития отдельных ближневосточных государств.

Во второй главе рассмотрен идейно-ценностный компонент суннитско-шиитских отношений и показаны сходства и различия в подходах к конфессиональной политике, проводимой британцами в подмандатном Ираке и французами – в Сирии и Ливане. Автор отмечает, что обе европейские державы, продолжая османскую политику по закреплению «второсортного» статуса шиитов на подконтрольных территориях, способствовали росту противоречий между различными группами ближневосточных обществ. Также в данной главе сопоставлены трактовки понятий «дар аль-харб» и «дар аль-

ислам» в четырех суннитских и шиитском джафаритском мазхабах и сделан вывод о том, что в основу как суннитских, так и шиитских подходов к международным отношениям центральным является не понятие территории, а принадлежность населения той или иной территории к мусульманской умме, а в шиизме к этому добавляются такие категории, как «справедливость» и «борьба против угнетения».

В третьей главе внимание уделено материальным аспектам суннито-шиитских отношений, которые проанализированы сквозь призму региональных конфликтов, потенциальных зон конфликтности и инициативы по сближению между суннитами и шиитами. Рассмотрев региональные и глобальные форматы суннито-шиитского диалога, автор приходит к выводу о примате политических мотивов над религиозными в этом диалоге и отмечает, что «в случае с региональными инициативами на этот диалог и его продуктивность всегда непосредственно влияет внутренняя среда ближневосточной подсистемы международных отношений», а на глобальном – «речь идет, как правило, о нехватке доверия со стороны акторов ближневосточной политики и зарубежным (особенно западным) партнерам, которые нередко используют инициативы межрелигиозного и межконфессионального диалога для реализации политических целей» (с. 438).

Можно полностью согласиться с утверждением автора (с. 336), что «отношение различных конфессиональных и этноконфессиональных групп к сирийской гражданской войне не определялось строго принадлежностью к той или иной ветви ислама» (как принято ошибочно считать многими экспертами, особенно западными или арабскими): ведь, как отмечает автор, К. Филлипс доказал, что серьезное влияние на выбор стороны в конфликте у сирийцев оказали в том числе экономические мотивы и география места жительства. Так, сунниты Западного Алеппо, экономически благополучной части этого

северного сирийского мегаполиса, в основном поддержали не оппозиционные группировки, а президента Башара Асада, ради сохранения стабильности, а вооруженная оппозиция выбрала своим оплотом более бедную восточную часть города. Хотя, например, Саудовская Аравия, в лице ее политического и особенно религиозного истеблишмента, в первые годы сирийского вооруженного конфликта старалась всю эксплуатацию конфессиональный «алавитский» фактор, чтобы мобилизовать сирийских и – шире – ближневосточных суннитов против правительства Башара Асада, утверждая, что, якобы, «еретики-алавиты убивают правоверных мусульман-суннитов, которые нуждаются в помощи всей ближневосточной суннитской общины». Но, как говорит автор на с. 351, «далеко не все алавиты поддержали режим Б. Асада, как и не все сунниты единодушно включились в вооруженное противостояние с законным правительством после начала протестов в марте 2011 г.».

Интересно также замечание автора на с. 370, по поводу арабо-иранского соперничества в Йемене, что «риторика арабских стран представляется более резкой и непримиримой, чем риторика Ирана, поскольку именно арабские страны выступают в диалоге с Ираном с позиции силы, пользуясь поддержкой США и имея больше материальных ресурсов для реализации своих интересов».

Четвертая глава посвящена сравнительному анализу конкурирующих моделей развития, выдвигаемых ключевыми претендентами на лидерство в ближневосточной подсистеме международных отношений – Саудовской Аравией, Турцией и Ираном, а также проанализирована специфика исламистской такфиристской модели, продвигаемой группировкой ИГИЛ (запрещена в РФ) как негосударственным актором, на протяжении более чем десяти лет существенно воздействовавшим на динамику этой подсистемы.

Очень интересна, в частности, информация, приведенная автором на с. 515, что 122 мусульманских ученых составили и подписали «Открытое письмо к аль-Багдади», направленное на предостережение людей от вступления в его террористическую группировку, в котором доказывалось, что терроризм не имеет ничего общего с традиционным исламом. Можно также согласиться с характеристикой политики Ирана на с. 533, что это государство «принимает активное участие в борьбе с терроризмом в регионе и отстаивает интересы палестинского народа на мировой арене», а также «именно Иран за последние несколько десятилетий неоднократно выдвигал инициативу по созданию в регионе зоны, свободной от ядерного оружия».

В Заключении автор резюмирует выводы исследования, отвечая на поставленные во введении задачи.

Вместе с тем по работе имеется ряд замечаний и пожеланий, на которые хотелось бы обратить внимание автора.

1. На с. 86 автор указывает на «слабость государства как института», присущую ближневосточному региону, однако не объясняет, чем обусловлена эта слабость.

2. На с. 90 при перечислении участников иранской «оси сопротивления» почему-то не указано палестинское движение ХАМАС и иракские шиитские милиции, например Силы народной мобилизации.

3. Как представляется, в работе недостаточно внимания уделено раннему этапу транснационализации шиитского сообщества Ближнего Востока, а именно – практике приглашения правителями династии Сефевидов авторитетных шиитских улемов из соседних стран, главным образом из области Джебель-Амил (современный Ливан).

4. На с. 112 автор уточняет определение «исламского фактора», заявляя, что перечень религиозных субъектов, характерных для «исламского

контекста» будет дополнен. Однако далее в самом определении перечисляются скорее фазы проявления «исламского фактора» в политике, в то время как религиозные субъекты артикулированы нечетко.

5. При объяснении пиковых лет, выявленных при расчете террористической активности исламистских группировок (с. 123 и далее), автор не раз говорит об использовании террористических методов в ходе гражданских войн в Алжире, Ираке, Сирии и других странах. При этом эти инциденты все равно учитывались в ходе авторских расчетов. В связи с этим возникает вопрос: как проводить разграничение между терактами и жертвами терактов, с одной стороны, и гражданскими вооруженными конфликтами и жертвами в них – с другой, в количественных методиках наподобие той, которую разработал диссертант?

6. На с. 164 автор указывает, что «божественное происхождение власти имама наделяет последнего знаниями о сокровенных, экзогенных (батын) аспектах исламского вероучения», хотя «экзогенный» обозначает внешнее происхождение чего-либо. Скорее всего, речь должна идти об эзотерических аспектах.

7. В подпункте 3.2.1. «Суннито-шиитские отношения в Ливане», на наш взгляд, недостаточно внимания уделено деятельности Ирана по укреплению и расширению своего влияния среди ливанских шиитов и форматах взаимодействия с «Хизбаллой».

8. На с. 390, 399, 401 и 411 в качестве одной из шиитских сетей названы «ширазисты», присутствующие как политическая сила в Саудовской Аравии, Бахрейне и Кувейте, однако нигде не пояснено, в чем состоит политическая программа этого течения и каковы его отношения с Исламской Республикой Иран.

9. На с. 467 автор справедливо отмечает следующее: «...Поскольку Королевство обладает правом распределять квоты для паломников из разных стран мира, оно нередко пользуется данной привилегией для оказания внешнеполитического давления на отдельные государства. Наиболее частыми подобными прецедентами были в саудовско-иранских отношениях». При этом далее не приводится ни одного инцидента, связанного с использованием Эр-Риядом своих привилегий в распределении квот на хадж в отношении Ирана, хотя, как представляется, это обогатило бы фактологическим материалом содержание саудовско-иранского соперничества.

10. Анализируя особенности иранской модернизации (с. 525), автор отмечает, что «темпы и результаты модернизации во многом зависели от позиции высших религиозных авторитетов шиитского ислама», при этом не поясняя, выступали ли шиитские улемы в качестве монолитной силы или же внутри шиитского духовенства наблюдались различные подходы к процессам модернизации.

Впрочем, высказанные замечания и рекомендации носят скорее дискуссионный характер и не влияют на общую положительную оценку диссертации О.С. Чикризовой. Содержание работы полностью соответствует паспорту специальности 5.6.7. История международных отношений и внешней политики и профилю диссертационного совета ПДС 1000.009.

Результаты диссертационного исследования были апробированы в ходе участия во всероссийских и международных научных конференциях, основные положения отражены в научных публикациях диссертанта, в том числе в статьях в высокорейтинговых научных журналах. Автореферат отражает структуру диссертации и ее содержание.

Таким образом, можно заключить, что диссертация «Суннитско-шиитские отношения на Ближнем Востоке: международно-политический аспект (1979–

2024 г.)», подготовленная О.С. Чикризовой, является самостоятельным исследованием, вносящим значительный вклад в российскую историческую науку. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора исторических наук, согласно п. 2.1 раздела II Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», утвержденного ученым советом РУДН (протокол № УС-1 от 22.01.2024 г.), а автор работы – Чикризова Ольга Сергеевна – заслуживает присуждения ей ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

Официальный оппонент

**Доктор исторических наук (07.00.03. – Всеобщая история),
доцент, декан факультета востоковедения и африканистики
Института евразийских и восточных исследований,
заведующий кафедрой современного Востока и Африки,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный
гуманитарный университет»**

Филин Никита Александрович
28 апреля 2026 г.

Адрес: 125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, стр. 6
Тел.: +7 (495) 250-71-14
E-mail: filin.na@rsuh.ru



О.В. Павленко